

...Незнакомец... смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!

*М.А. Булгаков.
Мастер и Маргарита*

— Как она умерла? Что было причиной?

Элизабет Темпл долго смотрела на кусты роз. Заговорив, она произнесла всего лишь одно слово, но оно прозвучало, как гулкий удар колокола:

— Любовь!

— Любовь? — эхом отозвалась мисс Марпл.

— Одно из самых страшных в мире слов, — ответила Элизабет Темпл и горьким, трагическим голосом добавила: — Любовь...

*Агата Кристи. Немезида.
Пер. с англ. А. Креснина*

Жизнь — большой сюрприз. Не вижу, отчего бы смерти не быть еще большим.

*Владимир Набоков. Бледное пламя.
Пер. с англ. С. Ильина и А. Глебовской*

Ирина Мельникофф

Я была убита в день казни Джека Тейлора, более известного под прозвищем «Зодиак».

Это произошло 27 января 1940 года. Та суббота выдалась полной суматохи — ведь ни мой шеф Квентин Мориарти, известный автор детективных романов, ни я сама не сомневались в том, что Джек Тейлор невиновен. Однако в итоге несправедливый приговор был все равно приведен в исполнение.

Дело «Зодиака» наделало большого шума, хотя сейчас, наверное, о нем полностью забыли. А тогда весь Голливуд замер от ужаса, ожидая новой жертвы. Еще бы, ведь на совести того, кто убивал в соответствии со знаками Зодиака и отрезал жертвам головы, унося их с собой, было шесть кровавых преступлений.

В действительности же — восемь. Как минимум восемь: седьмой жертвой стал Джек Тейлор, которого присяжные, не колеблясь, признали виновным (они совещались неполных двадцать минут, и любой и каждый в зале суда знал, какой приговор они вынесут), а восьмой — я сама.

Да, «Зодиак» добрался и до меня, но не буду забегать вперед.

В тот январский день лил дождь. Страницы газет и журналов давно занимали совершенно иные, гораздо более грозные новости — в Европе шла война, в которую позднее оказалась втянута как моя первая родина (Россия), так и моя вторая (Америка). О «Зодиаке» люди забыли, что лишний раз доказывает, как недолговечна сенсация в подлунном мире, а в особенности — в долине «фабрики звезд», в Голливуде.

Впрочем, я несправедлива: газеты все же сообщили о предстоящей казни Джека Тейлора. Далеко не все, и мно-

гие — не на первой полосе (прошли времена, когда деяниям «Зодиака» уделялись передовицы всех изданий Америки — начиная от ведущих и заканчивая провинциальными листками). Но все же имя человека, дожидавшегося казни в федеральной тюрьме Лос-Анджелеса, по-прежнему навело ужас.

Джек Тейлор, сорока шести лет, по профессии бухгалтер, помешанный на астрологии, хиромантии и ясновидении, был для всех воплощением зла. Его именовали Джеком-потрошителем», сравнивая с так и не пойманным убийцей, творившим злодеяния в Лондоне в конце девятнадцатого века, и «Вулком Сердцеедом», монстром, совершавшим кровавые убийства в Экаресте, столице королевства Герцословакии, в начале века двадцатого.

Мистера Тейлора отличало от двух этих анонимных и крайне жестоких представителей человеческой расы, на совести которых было около двух десятков жизней, то, что, во-первых, он был пойман, а во-вторых, как я уже отмечала, был невиновен. Он заявлял об этом на процессе, но ему, конечно же, никто не поверил: улики были уж очень много. Чересчур много, как заметил мой шеф Квентин Мориарти. Будто кто-то старался во что бы то ни стало очернить мистера Тейлора и свалить на него вину за «зодиакальные» убийства.

Джек Тейлор, надо признать, был более чем подходящим кандидатом в жестокие убийцы: человек нелюдимый, он жил отшельником, сходил с ума по гороскопам, считая, что они определяют человеческую судьбу. Да и внешность у него была знаменательная — лысый костлявый череп, выпуклые водянистые глаза, длинные руки и неприятная, ввергающая в трепет улыбка. Да, тот, кто сделал Джека Тейлора «козлом отпущения», рассчитал верно — такой человек никогда и ни за что не вызовет сочувствия, ведь люди (а в особенности жители Голливуда) привыкли судить о собратях в первую очередь на основании их внешнего вида.

Насколько мне известно, со временем эта ужасная привычка (судить об окружающих на основании их внешности) приняла гораздо более уродливые и страшные формы. Как бы там ни было, для всех (даже для матери мистера Тейлора, бывшей супруги и его старшей сестры, которые не желали присутствовать на процессе и так ни разу и не посе-

тили его в тюрьме) он был беспощадным и безжалостным маньяком, получившим по заслугам.

Для всех — кроме моего шефа Квентина и, разумеется, меня. На адвокатов Джека надежды не было — он зарабатывал не так уж много, чтобы позволить себе говорливых и умелых законников. Несколько из них вначале заинтересовались шумным делом «Зодиака», о котором докладывали даже за границей (убийства имели место в 1938 году, и Европа, находившаяся на пороге очередной войны, желала отвлечься от собственных неразрешимых проблем, а потому проявляла любопытство к заокеанским преступлениям), но никто из них так и не взялся представлять интересы Джека Тейлора. Ведь выиграть процесс шансов не было изначально. Да и заплатить весомый гонорар Джек был не в состоянии.

Неудивительно, что его признали виновным, а судья назначил высшую меру наказания — казнь на электрическом стуле. Квентин Мориарти и я, как могли, боролись за оправдание мистера Тейлора, однако что могли сделать два человека против системы? Мы помогли подать апелляцию, однако заранее понимали, что Джеку не позволят остаться в живых. Ведь в числе жертв «Зодиака» было несколько известных персон, и их родственники жаждали мести.

Я довольно часто посещала Джека в тюрьме. Вначале он был настроен решительно, желая бороться за свое оправдание, однако затем, после отклонения апелляции, сделался ко всему безразличным. Его охватила апатия. Похоже, мистер Тейлор смирился со своей участью. Он постоянно твердил о том, что в его гороскопе значилось — ему придется стать жертвой несправедливого судебного решения.

Так прошло немногим более года (приговор Джеку Тейлору был вынесен в самом конце 1939-го), и наступил день казни. Единственным человеком, который мог бы помиловать Джека, был губернатор штата. Квентин Мориарти, на тот момент — один из самых известных, если не самый известный автор детективов в Америке, вечный соперник Агаты Кристи, побывал в Белом доме на приеме у президента Рузвельта, который мог оказать давление на губернатора. Однако президент так и не решился это сделать, сочтя, что ему ни к чему вмешиваться в работу судебного аппарата.

Помню, как Квентин позвонил мне из Вашингтона (я осталась в Лос-Анджелесе) и усталым голосом сообщил, что ему не удалось убедить президента. Поэтому все надежды возлагались на тогдашнего главу Калифорнии, однако все знали, что он не предпримет ничего, чтобы спасти Джека Тейлора.

Казнь была назначена на девять вечера. Всю ночь накануне я не могла сомкнуть глаз, представляя себе, что Джек Тейлор находится в крошечной камере смертников, абсолютно невиновный и беспомощный. Я размышляла о его судьбе, втайне надеясь, что очередное видение посетит меня (видения стали моими спутниками с юности). Но, пролежав почти всю ночь с открытыми глазами в постели, я так ничего и не увидела. К великому сожалению, не я определяла, когда и какие видения навестят меня, а они сами выбирали момент, зачастую крайне неподходящий, и, словно кадры из фильма, вспыхивали у меня в мозгу.

Когда я спустилась в столовую, то застала своего шефа и учителя Квентина Мориарти за кофе. Похоже, Квентин тоже плохо спал, наверняка размышляя о том, что пройдет всего лишь несколько часов и невиновный будет казнен.

Квентин, откинув свежую газету (на первой полосе сообщалось о предстоящей казни «Зодиака») и не ответив на мое приветствие, проворчал:

— Подобное обычно бывает в моих романах! Но там осужденного в последнюю секунду, когда его уже тащат к электрическому стулу, спасают.

Я вспомнила первый роман Квентина Мориарти — «Смерть в музее восковых фигур». Именно в нем арестовывают невиновного, суд приговаривает его к смерти, и только благодаря титанической работе невесты осужденного и частного сыщика, профессора философии, удается отыскать истинного злодея и спасти несчастного от экзекуции.

Завтракали мы молча — говорить было не о чем. Жизнь, как я убедилась уже давно, была не романом, в котором можно, по желанию автора или редактора, изменить печальный финал на хеппи-энд.

— Он хочет, чтобы мы присутствовали во время приведения приговора в исполнение, — сообщил мне Квентин.

Я знала о последнем желании Джека Тейлора — у него не было ни единого друга, и он не хотел умирать, находясь

среди врагов или тех, кто считает его виновным. Отложив булочку, я сказала:

— Я не смогу...

— Конечно же, ты сможешь! — заявил Квентин.

Я знала, что мой шеф умеет быть безапелляционным и частенько не считается с мнением окружающих. За те шесть лет работы у него секретаршей и помощницей я многому научилась. Для Квентина я стала дочерью — ведь его единственная дочь от первого брака умерла несколько лет назад (хотя он никогда не говорил об этом, и я случайно наткнулась на ее фотографию в старом семейном альбоме).

— Не исключено, что губернатор все же решит помиловать Джека, — продолжил Квентин, закуривая сигару.

Сидя в старинном кресле, в домашней вельветовой куртке, он являл собой образец великого писателя, романами которого зачитывались миллионы по всему миру — с ухоженной седой бородкой, пронизательными голубыми глазами и знаменитой сигарой, которая стала его неотъемлемым аксессуаром.

— Наверняка этого не произойдет, — вздохнув, возразила я. — Но шеф, вы должны что-то придумать! Вы же — самый известный писатель Америки! Вы создали двадцать два романа и более семидесяти рассказов!

— А также не забывай о четырех пьесах и шести радиопостановках, — горько усмехнулся Квентин. — Но именно это мне и мешает. Мои слова в защиту Джека никто не воспринимает всерьез. Все считают мои выступления прихотью знаменитого детективщика, спутавшего реальность с выдумкой. Или у тебя было видение, Ирина?

Я отрицательно качнула головой.

— В последнее время, шеф, их не было вообще. Как будто кто-то перекрыл кран. Как бы я хотела узнать, кто является истинным «Зодиаком»!

Шеф выпустил в потолок облачко дыма:

— Обещаю тебе, что напишу об истории мистера Тейлора роман. Это — самое меньшее, что я могу сделать для него. Джек невиновен, как мы знаем, однако наше расследование не принесло результата. Ведь так?

Я признала правоту шефа — не доверяя полиции, мы самостоятельно пытались провести расследование, желая вычислить убийцу, именовавшего себя «Зодиаком».

— Я отправлюсь на прием к губернатору, — сообщил шеф. — Попробую уговорить его перенести казнь на несколько недель или, лучше, месяцев. Если мы не справились с расследованием, то поручим его профессионалам. Денег у меня, слава богу, предостаточно, я могу нанять нескольких самых известных сыщиков.

Если Квентин принял решение, то разубедить его было невозможно. Он побывал на приеме у губернатора, но безрезультатно — тот заявил, что у него нет сомнений: убийцей по прозвищу «Зодиак» является Джек Тейлор. Поэтому нам не оставалось ничего иного, как отправиться под вечер в тюрьму, где намечалось приведение в исполнение смертного приговора.

Около мрачного здания толпились зеваки, некоторые держали в руках самодельные плакаты с надписями: «Поджарьте «Зодиака» на электрическом стуле» или «Мы требуем отрезать Джеку Тейлору голову, как он это делал со своими жертвами». Наверняка среди собравшихся были поклонники той самой кинозвезды, Патриции Дамор-Блок, которую «Зодиак» лишил жизни.

Ворота тюрьмы распахнулись, автомобиль, в котором мы находились, въехал во внутренний двор. Нас встречал лично начальник сего невеселого заведения. Подобострастно улыбаясь, он распахнул дверцу «Паккарда» и подал мне руку. Однако его внимание было сосредоточено, конечно же, на Квентине Мориарти. Еще бы, самый знаменитый писатель страны почтил визитом тюрьму!

— Мы так рады видеть вас, мистер Мориарти, — раздался его льстивый голос. — Прошу вас и вашу секретаршу проследовать за мной.

Мы оказались в здании тюрьмы. Я бывала здесь, и не раз, навещая Джека, ведь никто более не удостоивал его визитами. Директор вел себя так, как будто мы прибыли не для того, чтобы стать свидетелями казни, а находились на светском рауте. В своем кабинете он предложил нам кофе, а затем протянул Квентину книгу.

— Моя супруга и я — ваши самые восторженные почитатели, — произнес директор. — И мы будем очень рады, мистер Мориарти, если вы подпишете для нас экземпляр вашего нового романа. Как вы все закрутили! Ни за что бы не догадался, кто убийца, если бы не подсмотрел в конце книги.

Квентин поморщился (он как-то заявил, что нетерпеливых читателей, жадно пролистывающих последние страницы, дойдя лишь до середины романа, но желая утолить собственное любопытство, надобно отправлять на каторгу), однако милостиво начертал несколько слов и расписался.

— Отлично, — выхватывая книгу с автографом моего шефа, заявил директор. — Мистер Мориарти, вы в самом деле хотите увидеть Джека Тейлора?

— Да, — ответил Квентин. — Ведь он — невиновен!

Директор снисходительно посмотрел на шефа (его взгляд, казалось, говорил: «Ты, может быть, и всемирно известный писатель, однако лопух, раз поверил заверениям о собственной невинности кровавого убийцы») и, понизив голос, произнес:

— Мистер Мориарти, скажите, а чья это была идея?

— Что вы имеете в виду? — подозрительно спросил мой шеф.

— Ну, идея со всем этим спектаклем, — пояснил директор. — Вы защищаете «Зодиака», пытаетесь доказать, что Джек Тейлор невиновен, и так далее. Ваша собственная или вашего издателя? Да вы не стесняйтесь, можете сказать мне правду. Это ведь увеличило вашу славу, тиражи и соответственно гонорары? Ловкий трюк!

Я заметила, как шеф побледнел. Сейчас грянет буря! Но Квентин сдержался и ответил:

— Моя позиция отнюдь не рекламный ход. Или вы думаете, что я готов ради собственной прибыли играть человеческой жизнью?

Судя по хитрому выражению лица директора тюрьмы, тот в подобном не сомневался. Квентин поднялся со стула и громогласно произнес:

— Благодарю вас за кофе, господин директор...

Понимая, что шеф еле владеет собой, я пришла ему на помощь, сменив тему:

— Господин директор, думаю, Джек уже ждет нас. Не сообразовали ли проводить нас к нему?

— Вы — единственные, кто пожелал увидеть «Зодиака» в день его казни, — усмехнулся директор.

Мы прошествовали по длинным коридорам и очутились наконец в блоке, где содержались приговоренные к смерти. Джек в самом деле ждал нас. Он поднялся с застеленной

кровати, на которой лежала Библия. Я заметила слезы в его глазах.

— Мисс Ирина, я не хочу умирать, — произнес он тихо. — Пожалуйста, сделайте так, чтобы меня помиловали!

Мое сердце разрывалось от его слов, но я знала: мы бесцельны. Не помню точно, о чем мы говорили. Собственно, о чем можно говорить с человеком, которому осталось жить всего три часа? Джек передал мне два письма, адресованные матери, сестре и бывшей жене с крошкой-дочкой, и я заверила его, что они получат их (передать я их так и не смогла, ведь в тот день, как я отметила в самом начале моего повествования, меня убили).

— Я так благодарен вам, — произнес Джек Тейлор. — Вы верите в то, что я невиновен. Но такова моя судьба — я родился под знаком Рыб, и на мою долю должно было выпасть много несчастий.

Несчастный завел разговор о том, что его увлекало — о гороскопах и о том, как звезды управляют нашей судьбой. Ему требовалось отвлечься и забыться, но как может отвлечься и забыться человек, который знает: всего в нескольких десятках метров находится электрический стул, на котором ему предстоит умереть меньше чем через три часа?

— Они сказали мне, что больно не будет, — произнес Джек. — Но нередки случаи, когда смерть наступает не сразу, и приходится дать еще один разряд...

Он вещал об ужасных вещах, как о чем-то вполне обыденном и привычном. Что может быть ужаснее, чем ожидать собственную смерть? Впрочем, это чувство довелось испытать не только Джеку Тейлору, но и мне самой. Я ведь тоже оказалась однажды в подобной ситуации. Несколько ранее. Но тогда мне сказочно повезло — меня спас мой будущий шеф Квентин Мориарти.

Время нашего визита истекло. Я заметила большой циферблат, на котором стрелки неумолимо приближались к половине восьмого. Джеку предстояло получить последний ужин и увидеться со священником. Мой шеф, похлопав Джека по плечу, вышел из камеры. Я же задержалась — Джек никак не хотел отпускать меня. Видимо, я была для него тем, в ком он черпал силы и на кого возлагал надежды. Его длинные бледные пальцы коснулись моей руки. Любой на моем месте оттолкнул бы Джека Тейлора и отшатнулся с

grimасой отвращения на лице, но я видела в нем не кровавого убийцу, а обыкновенного человека.

— Хотите, я предскажу вам судьбу, мисс Ирина? — спросил он и, не дожидаясь ответа, повернул мою руку ладонью вверх. — А потом вы можете уйти.

Разве я могла отказать ему? Джек вперил взгляд выпуклых глаз в переплетение линий на моей ладони, желтый ноготь коснулся кожи. Внезапно Джек сипло вскрикнул и оттолкнул меня.

— Он убьет и вас! — затрясся он. — Боже, мисс Ирина, он убьет и вас!

В камеру ворвались два надзирателя, привлеченные криками Джека. Наверняка они получили распоряжение внимательно следить за ним.

Я вышла из камеры. До меня доносились крики Джека:

— «Зодиак»! Он доберется и до вас! Вы станете его новой жертвой, мисс Ирина! Берегитесь, умоляю вас!

Мой шеф курил сигару, подле него стоял директор, лицо которого выражало притворное прискорбие.

— Не обращайтесь внимания на то, что он вопит, — произнес директор, однако я заметила, что угрозы в мой адрес доставляли ему удовольствие. — Многие из осужденных на смерть теряют присутствие духа незадолго до приведения приговора в исполнение, хотя до этого вроде бы вели себя вполне адекватно.

В камеру залетел тюремный врач с черным чехом на голове, спустя минуту крики Джека стихли.

— Ему ввели успокаивающее, — пояснил директор тюрьмы. — В некоторых случаях приходится прибегать к помощи медикаментов, чтобы унять особо буйных. А теперь я приглашаю вас на ужин.

Я отказалась, так как знала, что кусок мне в горло не полезет. Да и что могло быть более циничным, чем спокойно вкушать еду, а потом отправиться в зал, где будет казнен Джек? Его крики стояли у меня в ушах. Что сделал бы на моем месте любой другой? Наплевал на последние слова Джека. Но только не я!

В этом мире, как я знала, много загадок. Одна из них — те самые видения, что навещают меня время от времени. Некоторые называют их пророческими. Джек же верил в астрологию и хиромантию. И, как я убедилась, многие его

предсказания соответствовали истине. Может быть, гороскопы тоже не обманывают?

Я знала, что Джек никогда бы не стал угрожать мне или запугивать, заявляя, что «Зодиак» доберется и до меня. Я усталилась на свою ладонь, однако линии ничего мне не говорили. Откуда он взял, что и мне грозит опасность?

— Забудь об этих глупостях! — услышала я голос шефа и, подняв взгляд, увидела перед собой великого Квентина Мориарти. — Несчастный понял, что спасения нет, и решил досадить тебе, заявив, что ты станешь следующей жертвой «Зодиака».

— Но откуда мы знаем, что этого не произойдет? — медленно спросила я.

Я никогда не верила в то, что судьбой, Богом или звездами нам заранее что-либо предначертано. Да, у меня бывали видения, однако они не имели ничего общего с «разговорами с духами» или с так называемыми предсказаниями — секундные картинки того, что произошло или произойдет. Ученые не располагали ответом на вопрос, какова природа этих видений.

— Я никому не позволю отнять тебя у меня, — заявил твердо Квентин, и я знала, что его слова — чистая правда. — А сейчас нам пора. До казни осталось совсем немного.

Нас отвели в помещение, в котором приводились в исполнение смертные приговоры. Оно оказалось небольшим (а мне всегда казалось, что это должен быть бесконечный зал) помещением, выложенным красно-сизой плиткой. Электрический стул стоял у стены — я старалась не смотреть в ту сторону. Примерно в пяти метрах от орудия казни находилось несколько рядов стульев. Для зрителей. Как будто мы присутствовали не на казни, а находились в камерном театре! Помимо представителей прокуратуры, здесь находились несколько журналистов и так называемых независимых свидетелей, которые должны были подтвердить факт смерти Джека Тейлора.

Мы с Квентином заняли места в последнем ряду. Затем вошел инспектор Кронин, распространяя, как всегда, никотиновое амбре. Он сделал вид, что не заметил нас. Наконец появился директор в сопровождении надзирателей, а затем в помещение ввели и Джека, поддерживаемого с обеих сторон охранниками.

Не знаю, чем его накачал тюремный врач, но Джек производил впечатление неменяемого. Рот его был приоткрыт, с губ капала прозрачная слюна. Джек был лыс, иначе бы его выбрали, чтобы лучше закрепить электроды на голове.

Директор проинформировал всех присутствующих о том, что сегодня, 27 января 1940 года, будет приведен в исполнение смертный приговор в отношении Джека Тейлора. Того, о ком шла речь, тем временем усадили на электрический стул (он был вовсе не железным, как рисовался в моем представлении, а по большей части деревянным), закрепили руки, ноги и шею особыми скобами. Один из надзирателей протер череп Джека мокрой тряпкой, а затем на голову несчастного, с лицом, скрытым под черной маской, надели металлическую полусферу.

Двое надзирателей скрылись за ширмой, где находились рычаги, подававшие электричество. Внимание всех присутствующих было приковано к перемещавшейся секундной стрелке часов, под которыми висели два больших черных телефонных аппарата. Все знали, что губернатор не позвонит и не помиует Джека, однако я тем не менее ждала: вот-вот раздастся трель, и директор объявит о том, что смерть заменена пожизненным заключением.

— Мистер Тейлор, — обратился к Джеку директор, — желаете ли вы что-либо сказать напоследок?

Джек уставился на директора мутными глазами и невнятно пробормотал что-то. Никто из присутствовавших не разобрал его слов. Директор попросил Джека повторить еще раз, и громче.

— Я невиновен! — донесся до меня его хриплый голос. — Я невиновен! «Зодиак» убьет ее... Он убьет ее! Я это увидел у нее на руке!

Секундная стрелка достигла верхнего деления, вместе с ней передвинулись минутная и часовая стрелки: было ровно девять. Директор последний раз взглянул на молчавшие телефоны, затем обвел взглядом нас, зрителей варварского спектакля, и кивнул.

Его кивок означал одно — смерть Джека Тейлора. Раздался щелчок — один из надзирателей повернул рычаг. Тотчас послышался странный гул, сопровождающийся стонами, которые, впрочем, быстро утихли. Я вцепилась в руку Квентина, сидевшего рядом со мной, и закрыла глаза.

...Девушка! На промерзшей земле, голая. Ее лицо и тело изуродованы — покрыты порезами и ранами. А шею пересекает ужасный шрам. Она — жертва убийства...

Видение пришло ниоткуда, как это обычно и бывало. На мгновение я забыла обо всем, что происходит рядом.

...Я оказалась где-то в лесу. Голые черные деревья, следы. Я склонилась над девушкой. Кто она, почему я увидела ее именно сейчас? Еще одна жертва «Зодиака»? На вид девушке — двадцать с небольшим, хотя сказать точно из-за ран, покрывающих лицо, сложно. У нее чудесные длинные светлые волосы. Она лежит в неестественной позе, как будто кто-то бросил ее здесь, словно сломанную куклу, словно ненужный манекен...

Я открыла глаза и услышала тревожный голос Квентина:
— Ирина, с тобой все в порядке? Ты так бледна!

Снова послышался звук опускаемого рычага, по приказу директора подали второй, более мощный, разряд. Тело Джека затряслось. Я прикрыла веки — и видение, необычайно сильное (такого у меня, похоже, еще ни разу не было) снова утянуло меня.

...Я чувствовала, что нахожусь в том лесу, где лежало обнаженное тело убитой девушки. Мне было холодно, ведь на дворе стояла зима. Я внимательно рассмотрела жертву. Ее одежда, небрежно сорванная кем-то, валялась неподалеку. Мое внимание привлекла правая рука девушки. Что-то сверкнуло в лучах полуденного солнца. Я склонилась над телом. Браслет!

Внезапно девушка открыла глаза, я отпрянула. Мертвая попыталась подняться, из ее горла, кем-то перерезанного, вырывались звуки. Она хотела что-то сказать! Боже, такого со мной еще ни разу не было...

Я пришла в себя от резкого запаха. Открыв глаза, увидела тюремного доктора, который совал мне под нос ватку, пропитанную нашатырем. Бледный Квентин склонился над мной.

— Она пришла в себя! — констатировал врач и, обращаясь ко мне, пояснил: — Мисс, вы потеряли сознание в комнате для экзекуций. Еще бы, казнь на электрическом стуле — зрелище не для слабонервных.

— Что с Джеком? — спросила я.

— Он умер, как того и следовало ожидать, — сообщил

врач. — Не волнуйтесь, все прошло. Вы ведь ничего не ели? Вам необходимо подкрепиться!

В голове у меня шумело, ноги не слушались, тело было как свинцом налито. Меня довели до автомобиля, Квентин бережно усадил меня на заднее сиденье и прикрыл ноги пледом. Как чертик из табакерки, возник инспектор Кронин — как всегда, с трубкой в руке, распространяя удушливый запах табака.

— Ну что, ваши надежды пошли прахом? «Зодиак» получил по заслугам! — заявил он с нескрываемым торжеством в голосе.

Мне внезапно показалось, что инспектор Кронин прямо-таки рад смерти Джека Тейлора. Шеф сухо попросил инспектора оставить нас. Тот, ухмыляясь и дымя трубкой, удалился.

— Я знал, что тебе не надо присутствовать на казни, — заявил Квентин, заводя мотор. — Этот ужасный спектакль лишний раз утвердил меня в мысли, что смертная казнь — архаический обычай, который требуется как можно быстрее отменить.

— У меня было видение, — сказала я тихо.

— В момент казни Джека? И ты теперь знаешь, как нам найти «Зодиака»?

— Нет, — ответила я и поведала Квентину о мертвой девушке.

Выслушав меня, шеф сказал:

— Крайне интересная история, Ирина. Но каким образом она связана с «Зодиак»? Девушка с браслетом — его первая жертва? Или, наоборот, жертва новая?

— Не знаю, — ответила я честно. — Но у меня такое чувство, что ее смерть имеет самое непосредственное отношение к «Зодиак» и его преступлениям. Если мы узнаем, кто она такая, та девушка, мы нападём на его след, я уверена.

— Узнаем, но чуть позже, — заявил безапелляционно Квентин, — ибо я не хочу, чтобы ты сейчас принималась за расследование нового убийства.

Мы вернулись домой, Квентин помог мне покинуть «Паккард». Слабость прошла, в голове прояснилось. Мой шеф приготовил на скорую руку яичницу с беконом и заставил меня съесть ее.

— Так-то лучше, — сказал он. — А теперь ты должна отдохнуть! Сегодняшний день был для тебя очень тяжелым.

— Для Джека Тейлора он был последним, — сказала я и отправилась к себе в спальню.

Внезапная усталость охватила меня. Открыв кран и напуская в ванну воду, я уселась на край и задумалась.

...И вот я снова в лесу. Ко мне тянется рука мертвой девушки. Она не причинит мне зла, мне не стоит ее бояться. Браслет, вот что она хочет показать мне! Серебряные диски, позвякивая, качаются на легком ветру. Их всего тринадцать. На дисках изображены искусно выполненные ювелиром знаки Зодиака. Но почему их тринадцать, а не двенадцать? Ведь знаков Зодиака ровно дюжина! Из горла покойницы вырывается сиплый звук, и я наконец разбираю то, что она силится все время сказать мне: «Джилльда...»

Я открыла глаза. Вода дошла до самого края ванны. Повернув кран, я выбежала из ванной комнаты и, спустившись, ворвалась в кабинет Квентина.

Мой шеф сидел за массивным письменным столом, заваленным бумагами (Квентин, несмотря на мои старания, не уделял большого внимания порядку, предпочитая творческий хаос), и что-то быстро писал. Завидев меня, он в удивлении вскинул брови и, откладывая в сторону карандаш (все записи он делал синим или зеленым карандашом), спросил:

— Ирина, дорогая моя, отчего ты не отдыхаешь?

— Она снова явилась мне! — простонала я и без сил опустилась в большое кожаное кресло.

Мой шеф, встрепенувшись, подошел ко мне и в волнении произнес:

— Ирина, да ты вся дрожишь! Скажи мне, в чем дело?

Я действительно дрожала, но не от холода (в кабинете Квентина пылал камин), а от ужаса.

— Мы должны узнать, кто такая девушка, которую, вероятнее всего, зовут Джилльда, — заявила я и поведала шефу о своем новом видении.

Я окончила рассказ. Квентин, куря сигару и вышагивая по персидскому ковру, устилавшему пол кабинета, обмозговывал ситуацию. Много раз я видела его расхаживающим по кабинету, и это всегда значило, что он обдумывает очередной роман, рассказ или пьесу и принимает решение относительно того, как следует повернуть сюжет и кого из персонажей сделать убийцей.

Наконец Квентин остановился и внимательно посмотрел на меня. Я поняла: он принял окончательное решение.

— Нам не обойтись без инспектора Кронина, — сказал он.

Я не сдержала вздох разочарования. Инспектор Лайонел Кронин вел расследование по делу «Зодиака». Он считался одним из лучших полицейских Лос-Анджелеса, однако характер у него был далеко не сахарный. Мне много раз приходилось убеждаться в этом.

— Но ведь он не сомневается в виновности Джека, — возразила я. — И, кроме того, считает мои видения глупостью и выдумкой.

— Ему вовсе не обязательно знать о том, что ты увидела. Однако ты права — мы должны найти девушку. Тем более что имя ее известно — Джильда. У нее имелся браслет с крошечными серебряными дисками, на которых изображены знаки Зодиака, и это значительно облегчит поиски. Наверняка в полицейском архиве имеется соответствующее дело.

Я облегченно вздохнула и поняла, что иметь в шефах известного писателя детективных романов подобно подарку небес. Квентин, как обычно, разложит все по полочкам и докапается до истины. Ужасно жаль, что видение пришло ко мне в момент казни Джека, а не раньше. Ведь если мы наконец-то сумеем напасть на след истинного «Зодиака», то несчастного к жизни все равно не вернуть. Он станет, пожалуй, наиболее известной жертвой судебной ошибки.

Квентин поднял трубку телефона и коротко переговорил с инспектором Кронином.

— Он не проявил особенного энтузиазма, однако встретится со мной в управлении, — сказал Квентин. — Кронин, как ты знаешь, фанатик, если речь идет о раскрытии преступлений.

— По-моему, инспектор не умеет прислушиваться к точке зрения других и, считая кого-либо убийцей, никогда не откажется от своего мнения, — сказала я.

Увидев, что я поднимаюсь из кресла, Квентин строго произнес:

— О том, чтобы ты покидала дом, не может быть и речи! Тебе необходим покой, дорогая моя. И не смей спорить, все равно я не возьму тебя с собой к инспектору. Но ты узнаешь обо всем, что нам удастся найти в архиве, я тебе обещаю.

К моему великому сожалению, Квентин отправился на встречу с инспектором один. А перед уходом посетовал на то, что миссис Ли, приходящая экономка, не может остаться со мной. Однако я заверила, что не маленькая девочка и сиделка мне не требуется.

Квентин уселся в «Паккард» и, помахав мне на прощание рукой, успокоил, сказав, что постарается вернуться как можно быстрее. Я вернулась в дом: часы показывали пять минут двенадцатого. Я и не подозревала, что разговаривала с шефом в последний раз в своей жизни.

Примерно через двадцать или тридцать минут (я дремала в кресле) пронзительная трель телефонного звонка пререзала тишину, окутавшую большой особняк Квентина Мориарти. Я была в плену странного сна. Что-то не давало мне покоя, скорее всего, новое видение. Джильда... «Пурпурная орхидея»... Ну конечно же!

Я встрепенулась и схватила трубку аппарата, стоявшего на журнальном столике. Думала, что звонит мой шеф, однако это оказался инспектор Кронин. Я не сразу узнала голос инспектора — он звучал глухо и совсем не походил на обычный тон полицейского. И решила не говорить ему о своем открытии.

— Эти чертовы телефоны так искажают голос! — воскликнул инспектор. — Но к делу: нам требуется ваше присутствие, мисс. Мистер Мориарти сейчас не может говорить, он в архиве, но он просил передать вам, что мы наткнулись на кое-что чрезвычайно интересное. Похоже, вы правы — «Зодиак» все еще на свободе!

Мое сердце забилось так сильно, что я испугалась — не выскочит ли оно из груди. Дрему как рукой сняло, и я с готовностью сообщила:

— Я сейчас же отправлюсь к вам...

— Мы покинем управление, чтобы отправиться по горячему следу, — перебил меня инспектор. И я еще раз подивилась тому, как незнакомо и странно звучит его голос. Не представься звонивший инспектором Кронином, я бы ни за что не угадала, с кем говорю. Да, инспектор прав: аппараты очень сильно искажают голос. — Поэтому возьмите такси, мисс, и отправляйтесь по следующему адресу. У вас найдется самописка и блокнот?

Он продиктовал мне адрес (окраина Голливуда, где рас-

полагаются виллы давно забытых звезд эпохи немого кино), а я заверила, что постараюсь прибыть туда как можно быстрее. Такси, вызванное мной, не заставило себя долго ждать. Я заняла место в автомобиле и, сообщив адрес, попыталась угадать, что же узнали шеф и инспектор Кронин. Наверняка выяснили, кем является убитая девушка. Или, возможно, решили осмотреть место, где было обнаружено ее тело? Во всяком случае, они приоткрыли завесу тайны!

Мы были на месте без десяти двенадцать. Я заверила таксиста, что ждать не требуется, и, расплатившись, отпустила его. Он высадил меня около неухоженной виллы, в которой, создавалось такое впечатление, никто не жил. Подобных в этом уголке Голливуда предостаточно — хозяева или обитали за границей, или запирались в собственных дворцах, стараясь вернуть безвозвратно ушедшие времена.

Ни Квентина, ни инспектора не было видно. Но Кронин сказал, что они будут ждать меня! Наверное, их что-то задержало, и они вот-вот появятся, успокаивала я себя.

Легкий туман окутывал все вокруг. Запахнув мантию, я подошла к воротам виллы. Нет ни таблички с именем, ни почтового ящика. Внезапно я услышала, как неподалеку треснул сучок.

— Инспектор Кронин? — спросила я пугливо.

Ответа не последовало. Нет, они бы ни за что не стали так пугать меня! Вдруг мне пришла простая и ужасная мысль — отчего я решила, что говорила по телефону с инспектором? Кажется, подобный трюк применил в одном из романов Квентина коварный убийца (произведение называлось «Полночь уже не наступит», одно из моих любимых). Там, в финале, преступник, понимая, что его разоблачили, выманивает отважную молодую журналистку посредством звонка, имитируя голос частного детектива, которому она помогает, и затем пытается убить. Только в самый последний момент героиню спасают, а убийцу хватают с поличным.

Но романы, как я хорошо знала, далеко не всегда копируют жизнь. В любом криминальном произведении невинно осужденный никогда бы не был казнен на электрическом стуле, а тем вечером произошло именно это.

Я еще раз позвала Квентина и инспектора, но мне никто не ответил. И тут вдруг показалась темная фигура, надвигавшаяся на меня из тумана. Я тихо вскрикнула и бросилась

бежать. Тяжелое дыхание и топот за моей спиной свидетельствовали о том, что преследователь не желает сдаваться.

Он нагнал меня за поворотом — я поскользнулась и, вывихнув ногу, упала. Тот, кто мчался за мной, приблизился. Я не видела его лица, однако заметила в руках этого типа веревку.

— Ты и есть «Зодиак»! — воскликнула я. — Я тебя нашла! Ты не посмеешь причинить мне вред, потому что мои друзья, писатель Квентин Мориарти и инспектор Лайонел Кроунин, уже на пути сюда. Да вот же они!

Но мой нехитрый трюк не произвел на убийцу никакого впечатления. Я попыталась подняться на ноги, но у меня не получилось. Тогда я поползла на четвереньках прочь, моля об одном: чтобы все, что со мной происходит, оказалось видением.

Но то было правдой. Мне не удалось далеко уйти. Убийца накинул мне веревку на шею. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Мне вспомнились слова Джека Тейлора — ведь он был уверен, что «Зодиак» доберется и до меня.

Но кто же такой этот монстр? Из последних сил я сумела повернуться — мне хотелось взглянуть в лицо маньяка. Он был в длинном черном пальто с поднятым воротником и в шляпе, нахлобученной на лоб. Я впилась зубами в ладонь убийцы, затянутую кожаной перчаткой — «Зодиак» (у меня не было никаких сомнений в том, что я имею дело со знаменитым убийцей) болезненно вскрикнул и на мгновение выпустил меня. И тогда я сорвала с него шляпу.

Месяц, вышедший в то мгновение из-за туч, осветил лицо «Зодиака». Я охнула и, не удержав равновесия, полетела на землю.

«Зодиак» тем временем извлек из кармана пальто длинный нож (наверняка тот, при помощи которого он отрезал своим жертвам головы) и склонился надо мной.

Я знала, что спасения не будет. «Зодиак» размахнулся, стальной клинок сверкнул нестерпимо ярко в свете месяца — и через секунду я была мертва. Но «Зодиак» продолжал с остервенением наносить удар за ударом даже после того, как жизнь покинула мое брэнное тело.

А минутой позже начался новый день, который, впрочем, мне не было суждено застать. Ведь я умерла в день казни Джека Тейлора, известного людям под прозвищем «Зоди-

ак». И только я знаю, кто является настоящим «Зодиаком», однако поведать об этом никому не могу. Считается, что мертвые молчат. Но это не так, потому что смерть не есть конец. Она — только начало. Поэтому я и веду свой рассказ...

Марина Подгорная

— Марина!

Я встрепенулась, как собака.

— Марина!

Я сорвалась с места и бросилась бежать.

— Марина, черт тебя подери, где же ты?

Капризный голос моей хозяйки, Валерии Артуровны Свентицкой, разносился по всему второму этажу ее подмосковного особняка, который она предпочитала именовать виллой.

Приблизившись к двери, я почтительно постучала — не дай бог вторгнуться в святая святых одной из самых известных российских писательниц (почитающей себя, вне всякого сомнения, самой известной и, конечно же, самой одаренной) без стука. Даже если мадам Свентицкая и зовет меня, надрывая горло, это не значит, что я могу входить в ее будуар, не испросив разрешения.

— Где же ты? — вновь послышался капризный голос Валерии Артуровны. — Что, заснула? Или в сортире засиделась?

Нацепив сладкую улыбку, я вошла в будуар. Мадам Свентицкая подобно Джомолунгме нависла над огромным чемоданом, наполовину заполненным ее вещами. Похоже, она все-таки решила воспользоваться моей помощью.

Валерия Артуровна грозно посмотрела на меня и изрекла:

— Дорогая, советую тебе регулярно чистить уши. В следующий раз, если заставишь меня ждать, придется вычистить из твоей зарплаты значительную сумму в качестве штрафа.

Мадам, отметила я, была в плохом настроении. Впрочем, я работала на Леру уже почти три года (мои предшественницы не задерживались больше пары месяцев) и прекрасно изучила все ее капризы. В том, что она может урезать мне зарплату, я не сомневалась. Мадам Свентицкая

получала, по официальной информации, в год не меньше миллиона долларов, а по моей собственной — примерно в два раза больше, однако была патологически жадна. Видимо, сказывалось неискоренимое наследие тяжелого прошлого, когда она работала завучем в провинциальном ПТУ.

Лера пихнула изящной туфелькой чемодан и, подойдя к трюму, извлекла из изящного золоченого ящичка изящную сигарету и не менее изящно раскурила ее. Мадам Свентицкая была в курсе, что я не выношу табачного дыма, однако ей доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие дымить в моем присутствии. Вот и сейчас она подошла ближе и, пустив прямо мне в лицо облачко дыма, заявила:

— Ты, дорогуша, моя личная секретарша, соответственно, в твои обязанности входит и подготовка моего американского турне. Так что займись этим, и побыстрее!

Я уныло уставилась в спину мадам Свентицкой, вышедшей из будуара, а затем опустилась на обтянутый розовым плюшем пуф (вкус моей хозяйки остался плебейским, несмотря на миллионные заработки или, наоборот, вследствие этого). Итак, мне велено собрать один из ее пяти (или даже семи) чемоданов, которые Лера возьмет с собой в Штаты, куда мы отправимся меньше чем через двадцать четыре часа.

Я выудила из недр необъятного чемодана кружевной красный бюстгальтер и, хихикнув, представила себе мадам Свентицкую в оном (без одного представлять себе хозяйку мне запретило чувство прекрасного). И зачем старая каракатица берет с собой его — решила соблазнить своими дряблыми писательскими телесами парочку смазливых молодых актеров? Далее я наткнулась на несколько книг Леры (она любит перечитывать себя на досуге, восторгаясь собственной гениальностью) и на нечто большое, желтое и продолговатое, оказавшееся... вибратором. Отбросив с визгом последнюю находку, я уселась на пуф и задумалась о своей кошмарной участи. За что меня так наказали боги? Наверное, в прошлой жизни я слишком много нагрешила. К счастью, я знала, что долго заниматься укладкой вещей мне все равно не грозит — Лера, которая была помешана на гороскопах, была по знаку Зодиака Львицей и постоянно заявляла, что это созвездие императриц и королев, но копаться в своих вещах она никому не позволяла.

Она и была императрицей российской беллетристики.

Валерия Артуровна Свентицкая, сорока восьми лет от роду (она не любила, чтобы о ее возрасте говорили, предпочитала даже в официальных анкетах опускать год рождения) — королева криминальных разборок, царица убийств на почве страсти, инфанта подлых замыслов и великая герцогиня запутанных любовных линий.

Я как-то на досуге пыталась осилить один из опусов моей хозяйки, но, одолев около ста страниц, решила, что, несмотря на большое количество трупов, обездоленных секретарш, влюбленных олигархов и романтических милиционеров-бардов, смысла в ее произведении ни на грош. Об этом я, конечно же, Лере сообщать не стала, а, напротив, рассыпалась в благодарностях, получив от нее очередной роман с дарственной подписью, кои складирую в своей комнате под кроватью.

Вот уже без малого пятнадцать лет мадам Свентицкая выдавала бестселлеры, большая часть которых была экранизирована, и завоевала в рекордно короткие сроки сердца миллионов поклонников, а по большей части — поклонниц. Она умело смешивала коктейль из классического детектива (главный вопрос — «Кто убил старую тетушку?»), любовного романа (главный вопрос — «Почему он любит не меня, а эту длинноногую дылду-манекенщицу?») и романтического повествования, приправленного пикантными эротико-порнографическими деталями и налетом новорусской экзотики (главный вопрос — «Дорогая, ты хочешь стать женой миллиардера?»), разбавляя их в последнее время доморощенной философией (главный вопрос — «Отчего так тяжело живется на свете, если у тебя имеется счет с семью нулями в швейцарском банке?»).

Раньше мадам Свентицкая, имевшая педагогическое образование, работала завучем в замшелом ПТУ не то в Вологде, не то в Воронеже, однако этот этап ее жизни остался в далеком прошлом. Уже много лет она проживала в Москве, где у нее имелась квартира-ателье на Арбате, офис на Патриарших прудах, а с недавнего времени еще и особняк (о, пардон, вилла!) в окрестностях столицы. Мадам Свентицкая постоянно мелькала на телевидении, присутствуя во всех ток-шоу, какие только существуют, одно время и сама вела передачу, бесславно приказавшую долго жить, по мере своих скромных сил принимала участие в светской жиз-

ни, являясь активным членом богемной тусовки, и весьма усердно тратила свои миллионы.

Со своим мужем (кажется, третьим) она развелась вскоре после того, как ее романы начали приносить большие деньги и была организована шумная кампания в «желтой прессе» о том, как плохо живет несчастной писательнице-миллионерше, которую оставил муж-козел. Детей у Леры не было, но она как-то в минуту откровенности призналась, что она никогда и не печалилась по данному поводу. Зато у нее имелось предостаточное количество бойфрендов, которые были, как минимум, лет на пятнадцать, а то и добрых двадцать пять моложе Валерии Артуровны.

Да и Валерией Артуровной Свентицкой она стала, выпустив свою третью книгу, принесшую ей прорыв — до этого она звалась Людмилой Анатольевной Скориковой, что, по справедливому мнению издателей, было слишком пресно. Так завуч ПТУ и превратилась и примадонну российской беллетристики.

Лера получила немислимое количество премий и призов, ее книги выходили умопомрачительными тиражами. У последних, однако, тираж был не тот, что раньше — пик славы мадам Свентицкой уже прошел, однако она не желала говорить на подобную смехотворную тему. Ее произведения имели даже некоторый (весьма, правда, скромный) успех за границей.

Однако около года назад появилась небывалая новость (о ней даже сообщили по Первому каналу): к двум романам моей хозяйки проявил интерес Голливуд. Вначале я думала, что это «утка», запущенная с легкой руки пиар-отдела издательства, печатавшего труды мадам Свентицкой, цель которой — устроить скандал вокруг имени писательницы, чьи тиражи начали падать. Но выяснилось, что кое-кто в Америке действительно пожелал приобрести права на две книги Валерии Артуровны.

Тотчас заработала машина слухов — назывались необычайные суммы гонорара, которые платила могущественная американская киностудия за переделку книг в сценарий. Знатоки уверяли, что действие фильма будет перенесено из России в США и Европу, а на главные роли прочили Кэтрин Зету-Джонс и Колина Фаррела. Мадам Свентицкая наслаждалась всеобщим вниманием. Ну а когда ей лично при-

глашение от киностудии все же не поступило, Лера решила сама слетать в Америку, благо у нее имелся вид на жительство в США (спасибо пентхаузу в Майами, купленному с гонораров!).

Мне как секретарше мадам Свентицкой было известно, что права на экранизацию куплены малоизвестным американским телеканалом и что гонорар, выплаченный моей хозяйке, никак нельзя назвать заоблачным. Из ее книг планировали сделать мини-сериал для «внутреннего потребления», и участие суперзвезд, как и звезд вообще, в нем не планировалось.

Конечно, Валерия Артуровна не хотела и слышать о подобных мелочах. А поездку в Америку представляла всем как безусловный триумф своего творчества за океаном.

Этим-то и объяснялся бедлам на подмосковной вилле. Я уныло перебирала нижнее белье мадам Свентицкой, когда она появилась и милостиво изрекла:

— Так и быть, Марина, я тебя прощаю! Хотя запомни, более такого беспардонного поведения с твоей стороны я не потерплю.

Сие означало, что я обрела свободу и могла покинуть будуар мадам Свентицкой — она решила укладывать чемодан со своими трусами и лифчиками собственноручно. Мне же было велено в который раз проверить все бумаги и документы, связаться с издательством и Голливудом, распространить пресс-релиз, ответить на письма... и так далее, и тому подобное.

Валерия Артуровна Свентицкая, надо признать, умела довести до белого каления, и иногда (только иногда!) я мечтала о том, чтобы она упала с лестницы и свернула шею. Но ее смерть хоть и принесла бы мне избавление от многих проблем, но означала бы и потерю стабильного заработка. Что мне вовсе не улыбалось.

Я, Марина Подгорная, оказалась в секретаршах великой писательницы случайно. Получив два высших образования, лингвистическое и экономическое (не считая театрального училища на заре моей туманной и, увы, такой далекой юности), я была готова принять ответственный пост в какой-либо крупной фирме, но, как на грех, мои таланты никому не требовались. Какое-то время я пыталась блистать в малоизвестном молодежном театре (однако, чтобы стать при-

мой, требовалось спать с главрежем, и я, рады карьеры новой Сары Бернар, вероятно, поступилась бы девичьей честью, но этот толстопузый подлец ничего подобного мне и не предлагал!), подрабатывала на радио, специализируясь в области рекламы, затем ушла на телевидение (пятый заместитель десятого помощника главного вице), а оттуда перекочевала в издательство — в отдел рекламы и стратегического планирования. Именно в то издательство, где и выходили книги Валерии Свентицкой. Я отвечала в том числе за проект продвижения этого брэнда, и мне приходилось тесно работать с мадам Свентицкой, организовывая для нее интервью-термины, фотошутинги, автограф-сессии и промоушн-митинги с читателями.

О Лере ходили слухи, что она — крайне сложный в общении человек. Помню, как увидела ее в первый раз и удивилась тому, что она совсем не такая молодая и уж точно не такая изящная, как на фотографиях. Мадам Свентицкая изводила меня своими капризами, но мне было велено выполнять все прихоти со сладкой улыбкой — еще бы, ведь она была одним из главных источников дохода для издательства.

Каково же было мое удивление, когда Валерия Артуровна предложила мне перейти на работу к ней и стать ее личной секретаршей. Я знала, что в сей почетной должности никто не задерживается больше пары месяцев, но ответить отказом не смогла: предложение мадам Свентицкой более походило на приказ.

Да и издательству требовался свой человек в окружении примадонны — в последнее время она уделяла слишком большое внимание своей телевизионной карьере, сдавая рукописи с большим опозданием, к тому же перешла отчего-то на квазиинтеллектуально-парафилософскую прозу а-ля ранний Сартр (или поздний Камю), напроочь забросив детективную стезю. Но народу (и издательству) требовались полюбившиеся герои Валерии Свентицкой, а не двухтомные размышления о тяжести бытия и легкости смерти. Чтобы наставить писательницу на путь истинный, руководство и приняло решение внедрить меня в ее ближайшее окружение. В мои обязанности входило следить за тем, чтобы никто и ничто не мешало великой романистке творить за ноутбуком последней модели в тиши квартиры-ателье или